

УДК 281.93(092)(470.5)''17''(045)

*М.А. Орлов***ИЕРОМОНАХ НИКОДИМ (СЕЗЕМОВ) – ПРОПОВЕДНИК ПО ВЯТСКОЙ И ВЕЛИКОПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ**

Православная миссия в годы правления Екатерины II заметно отличалась от предыдущей эпохи, когда развернулась деятельность Новокрещенской конторы. Екатерина II закрыла Новокрещенскую контору, скорректировала конфессиональный курс, что отразилось на православной миссии среди народов России. Место Новокрещенской конторы заняли епархиальные проповедники. История миссионерской деятельности епархиальных проповедников изучена недостаточно. Между тем рассмотрение данной темы помогает лучше выявить генезис православной миссии в синодальный период, понять особенности конфессиональной политики Екатерины II. В пределах Вятской и Великопермской епархии первым епархиальным проповедником стал иеромонах Никодим (Сеземов). В его миссионерской деятельности отразились проблемы, имевшие место быть в истории православной миссии второй половины XVIII в. в разных регионах России.

Ключевые слова: миссионерство, епархиальные проповедники, Вятская и Великопермская епархия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-998-1006

В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к истории православной миссии в синодальный период истории Русской Церкви. Значительных результатов в изучении истории православной миссии XVIII в. достигли И. И. Юрганова, митрополит Герман (Капалин), А. Ю. Конев, Ф. Г. Ислаев, В. Н. Асочакова. При этом слабоизученным остается вопрос о деятельности епархиальных проповедников, учрежденных по указу Екатерины II. В ряде работ присутствует только упоминание об учреждении института епархиальных проповедников [1, 21, с. 22, 24, с. 37]. В других работах дается обзор деятельности проповедников в контексте рассмотрения более общих вопросов [20; 7]. Однако отсутствуют специальные работы, посвященные данному институту православной миссии. Показательны в этом отношении работы казанского исследователя Ф. Г. Ислаева. В 1990–2000-е гг. историком были опубликованы работы по истории взаимоотношений православия и ислама в XVIII в. [4; 5]. Особое внимание автор уделял деятельности Новокрещенской конторы. Вместе с этим деятельность епархиальных проповедников, действовавших во второй половине XVIII в. в Волго-Уральском регионе не затронута, автор даже не упоминает об этом церковном институте. Другой пример: в 2007 г. вышла в свет работа А. Б. Ефимова: «Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви» [2]. В книге рассмотрена история православной миссии в России от Кирилла и Мефодия до деятельности миссионеров в постсоветский период, однако о епархиальных проповедниках нет даже упоминания.

Миссионерская деятельность епархиальных проповедников, действовавших на территории Вятской епархии, также недостаточно изучена. П. Н. Луппов одним из первых систематизировал архивные документы, отражающие деятельность епархиальных проповедников на Вятке. В работе «Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века» представлена солидная архивная база по истории православной миссии во второй половине XVIII в. Вместе с этим необходимо отметить, что П. Н. Луппов обращался преимущественно к той стороне деятельности проповедников, которая касалась миссии среди удмуртского населения. Вне поля зрения исследователя остались прочие народы Вятско-Камского региона: марийцы, татары, башкиры, бесермяне. Кроме того, иеромонаху Никодиму П. Н. Луппов уделил незначительное внимание, ограничившись лишь упоминанием наставления, которое проповедник дал сарапульскому священнику Иакову Емельянову [11, с. 167–168].

В 1908 г. В. И. Шабалин опубликовал обзорную статью под названием: «Проповедники – миссионеры при Екатерине II» [23]. Автор статьи предположил, что проповедники составляли поучения при архиерейских кафедрах и произносили поучения при кафедральном соборе. Данное упущение показывает, что В. И. Шабалин не обращался к документам, касающимся деятельности епархиальных проповедников. Впрочем, в другом месте назвал их «киновческими миссионерами» [23]. Среди современных исследователей, рассматривавших деятельность вятских епархиальных проповедников, можно отметить статью Е. В. Кустовой «Вятское ученое монашество в XVIII веке», в которой есть

лишь упоминание о том, что иеромонах Никодим занимался миссионерской деятельностью среди нерусского населения епархии [10, с. 68]. Таким образом, историография вятских епархиальных проповедников имеет много лакун, требующих заполнения.

В данной работе автор поставил цель рассмотреть деятельность иеромонаха Никодима (Сеземова) в качестве проповедника по Вятской и Великопермской епархии. Представляется необходимым выявить роль личности миссионера в процессе его деятельности, факторы, способствовавшие успеху проповеди. Важно провести сравнительный анализ с деятельностью проповедников других епархий. Географические рамки исследования определены Вятской и Великопермской епархией. В связи с этим следует подчеркнуть, что миссионерская деятельность иеромонаха Никодима осуществлялась только в южных пределах Вятской провинции. Часть земель Пермской провинции, которые числились в составе Вятской и Великопермской епархий, не являлись миссионерским полем первого епархиального проповедника на Вятке. География вятских проповедников на пермские земли будет расширена после отставки иеромонаха Никодима.

Учреждение проповедников. Появление института епархиальных проповедников связано с изменениями конфессиональной политики, произошедшими со вступлением на престол Екатерины II. Если при Елизавете Петровне государство поддерживало Церковь, стремилось утвердить среди знати христианские принципы, сократить до минимума число приверженцев ислама и язычества, то при Екатерине II власть иначе стала смотреть на православную миссию. Поддержка «грекороссийской» веры не отменялась, но стала не столь ощутимой, как прежде.

На реформу миссионерского дела заметно влияние личности Екатерины II. Можно сказать, что это была ее личная реформа. Хотя имя Елизаветы Петровны часто фигурирует при ассоциировании ее с деятельностью Новокрещенской конторы, но нужно признать, что дочь Петра Великого оказывала на миссионерскую деятельность скорее символическое воздействие, была далека от реального управления конфессиональной политикой. Екатерина II, вступив на престол, занялась переустройством государства, вкладывая в реформы свои представления об общественном устройстве. По удачному выражению И. В. Курукина: Екатерина была «настоящим работником на троне» [10, с. 33].

Взгляды Екатерины II основывались на учении европейских просветителей. Придерживаясь идей французских просветителей, Екатерина II, как отметил Р. Круз: «руководствовалась своим собственным определением полезности религии» [8, с. 51]. Для Екатерины II религия должна была не спасать души людей, а воспитывать их для государства. Европейские энциклопедисты и камералисты проповедовали необходимость устройства правового государства, в котором царствует законность и порядок, где все граждане, независимо от вероисповедания, пользуются благами цивилизации. «Снова возвеличивается мир земной, светский, политический, и пред ним сфера церковная отступает на второй план», – резюмировал итоги развития европейской средневековой мысли П. И. Новгородцев [15, с. 7]. И. В. Курукин заметил, что Екатерина II придерживалась позиции «уважать веру, но никак не давать ей влиять на государственные дела» [9, с. 54].

С другой стороны, Екатерина II прекрасно понимала, в какую страну она попала и насколько в ней велики традиции, связанные с православной верой. Эта двойственность отразилась на смене миссионерского курса. Екатерина II порвала с прежними правилами ведения миссионерской деятельности, но не препятствовала распространению православной веры среди народов России, сократив роль светской власти в этом вопросе. Смена идейных установок в кругах правящего класса стала важнейшей, возможно, определяющей причиной реверса в конфессиональной политике.

Была еще одна причина, заставившая правящие круги изменить конфессиональный курс империи. Ко времени вступления на престол Екатерины II в Поволжье и Приуралье сложилась непростая этноконфессиональная ситуация. Указы эпохи Новокрещенской конторы, по меткому замечанию П. Н. Луппова, «внесли раздор в общественную жизнь инородцев» [11, с. 159]. Были случаи, когда некрещеные на земских сходах открыто «скаредною бранью ругали» новокрещенных за то, что они освобождены от государственных повинностей [18, ф. 425, оп. 3, д. 9, л. 1]. Это происходило из-за того, что на некрещеных «инородцев» перекладывались государственные повинности (уплата податей, рекрутская повинность) новокрещенных. Сложность ситуации в Волго-Уральском регионе была вызвана также из-за того, что некоторые миссионеры во время своей деятельности «стали прибегать к мерам стеснительным» [13, с. 87]. Таким образом, по выражению одного их историков, «энергичная поддержка правительством миссионеров возбудила против себя волнения среди инородцев»

[2, с. 7–8]. Особенно сильными были волнения среди мусульман. Их предводитель Батырша поднял последователей Магомета против российских властей и православных миссионеров.

Значительное влияние на определение линии конфессиональной политики оказывала внешне-политическая обстановка. При Екатерине II обострение отношений с Османской империей привели к двум войнам и присоединению Крыма к России. Под властью православного монарха оказались крымские татары-мусульмане. С целью предотвратить возможный сепаратизм со стороны мусульманского духовенства, Екатерина II стремилась создать благоприятные условия для жизни мусульман в России. Начался процесс включения татаро-мусульманской аристократии в состав российского дворянства [6, с. 42]. В контексте противостояния с исламской империей 17 июля 1773 г. был издан указ о веротерпимости, согласно которому татарам дозволялось строить мечети близ церквей, а архиереям «в дела, касающиеся до всех иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов, не вступать» [17, т. XIX. № 13. 996. с. 775]. Екатерина II пыталась создать имидж России как страны, где мусульмане могли осознавать себя как часть российского общества. Интересное наблюдение сделал Р. Круз, представивший Российскую империю как дар аль-ислам («Дом ислама») [8, с. 14]. Прагматизм Екатерины II в отношении мусульман не мог не сказаться на развитии православной миссии.

В начале 1763 г. по личному распоряжению императрицы Екатерины II состоялась совместная конференция Сената и Св. Синода, в ходе которой решался вопрос о том, каким образом продолжать христианизацию народов Поволжья и Приуралья. Итогом совещания стало закрытие Новокрещенской конторы, отмена обязательной поставки рекрут и уплаты податей «иноверцами» за новокрещенных. Была учреждена должность «проповедников», которым поручено распространять Христово учение между язычниками и мусульманами. Вся ответственность за православную миссию возлагалась на епархиальных архиереев. [19, ф. 796, оп. 45, д. 125, л. 2–5]. Таким образом, менялся характер миссии: она стала носить персонифицированный характер, т. к. возлагалась на конкретных носителей христианской веры – архиереев и «проповедников», тогда как до того миссия носила коллективный характер, ибо направлялась из единого центра – Новокрещенской конторы.

Выбор епархиального проповедника. Указ об упразднении Новокрещенской конторы и учреждении «проповедников» на Вятке был получен 10 июля 1764 г. [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 56а]. Первоначально проповедником по Вятской и Великопермской епархии был назначен экзаменатор Вятской духовной школы иеромонах Андрей [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 62–62об], который формально являлся «епархиальным проповедником», но миссией не занимался. Через несколько месяцев проповедником по Вятской и Великопермской епархии епископ Варфоломей (Любарский) определил иеромонаха Никодима (Сеземова) [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 97–98]. Иеромонах Никодим был учителем инфимы и аналогии в Вятской духовной школе. Видно, что вятское епархиальное руководство старалось выбрать миссионера «ученого», имевшего опыт в преподавании. Залог успеха виделся в образованности миссионера. Схожую позицию занял епископ Тамбовский и Пензенский Пахомий (Симанский), который просил Св. Синод определить проповедника из славяно-латинской Академии [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 154–155]. В Тобольской епархии два проповедника также были выбраны из духовной школы [19, ф. 796, оп. 49, д. 80, л. 39–40]. В ряде епархий был несколько иной подход, в основе которого лежала не образованность будущего миссионера, а знание языков и обычаев «инородцев». В Казанской епархии в качестве епархиальных проповедников были выбраны лица, которые «достаточно тех новокрещенных языки сведущи и к новокрещеным привыкли» [19, ф. 796, оп. 45, д. 125, л. 67–68об]. Епископ Иркутский Софроний (Кристалевский) считал, что миссионером может быть тот, кто инородцев «наречие довольно знает» [19, ф. 796, оп. 45, д. 125, л. 109–110]. В Нижегородской епархии проповедником был назначен священник Ермил Иванов, «природою из чуваш» [14, с. 158]. Таким образом, можно выделить два подхода при определении кандидатуры епархиального проповедника: либо образованный выпускник духовной школы, либо человек, знакомый с бытом и культурой автохтонных народов.

П. Н. Луппов высказал мысль, что епархиальные проповедники, занимались, главным образом, «наблюдением за новокрещеными». В качестве основания историк указал на письмо сарапульского протоиерея Иакова Емельянова, написанное им в Вятскую духовную консисторию в августе 1767 г. Протоиерей просил определить его в качестве помощника иеромонаха Никодима «для смотрения над новокрещеными». П. Н. Луппов предположил, что такой взгляд на проповедническую должность прот. Иаков мог заимствовать у иеромонаха Никодима, значит, заключал историк, такой взгляд был

присущ официальному проповеднику, его также придерживалось епархиальное руководство [11, с. 167–168]. Вряд ли можно согласиться с тем, что епархиальные проповедники занимались преимущественно надзором за новокрещеными. Иеромонах Никодим, будучи проповедником, много разъезжал по селениям, где проживали нерусское население Вятско-Камского региона, убеждал язычников и мусульман креститься. Для этой цели он покупал кресты и иконы, которые раздавал тем, кто принимал христианскую веру. Последующие проповедники по Вятской епархии ежегодно доносили о крестившихся «иноверцах» [22, ф. 237, оп. 75, д. 620, 780, 807, 826а, 827]. Поэтому вряд ли приходится говорить, что епархиальные проповедники были только «надсмотрщиками» над новокрещеными.

Иеромонах Никодим не сразу приступил к миссионерской деятельности. Епископ Варфоломей (Любарский) писал в Св. Синод: «в проповедях слова Божия обращается только в здешнем кафедральном городе Хлынове и за неполучением ниоткуда жалованья во одежде и пище претерпевает крайнюю нужду» [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 98]. Данная проблема – неполучение из казны денег – для иеромонаха Никодима стала одной из болезненных в его миссионерской практике, что заставляет обратить на этот вопрос особое внимание.

Почти сразу после назначения в качестве проповедника, иеромонах Никодим доносил в Вятскую духовную консисторию о том, что Вятская провинциальная канцелярия не выдает ему необходимых денег для покупки бумаги, чернил и прочих канцелярских предметов [22, ф. 237, оп. 1, д. 9, л. 220об–221]. Вплоть до указа об отстранении его от должности проповедника велась непрерывная переписка с гражданскими властями о предоставлении средств на нужды миссии [22, ф. 237, оп. 1, д. 11, л. 93об–94, 211, 264–265об].

Вятская провинциальная канцелярия объясняла свой отказ в выдаче денег тем, что «без повелительного из коллегии экономии указа выдать не может» [22, ф. 237, оп. 1, д. 11, л. 93об–94]. Вряд ли такой довод следует признать убедительным, т. к. был указ императрицы, согласно которому епархиальные проповедники должны были получать от государства по 150 руб. ежегодно [17, т. XVI, собр. 1. № 12. 126, с. 704]. Отсутствие надлежащего финансирования для иеромонаха Никодима оказалось существенным препятствием в деле миссии. В миссионерскую поездку иеромонах брал с собой писаря и своего келейного служителя. Этим лицам необходимо было выплачивать жалованье и обеспечивать пропитанием [22, ф. 237, оп. 1, д. 12, л. 150об]. Кроме этого, проповеднику требовались средства на покупку бумаги, чернила, крестов, икон, а также на «прогон лошадей» [22, ф. 237, оп. 1, д. 11, л. 191об–193].

Экономическая сторона дела тесно переплеталась с духовной. Задержка с выплатой денег заставляла иеромонаха Никодима отказываться от некоторых миссионерских поездок, а из-за этого, как писал епископ Варфоломей «дело Божие остается без успеха туне»: остановился рост числа крестившихся, а среди новокрещеных «происходят непорядки и заблуждения». Руководство Вятской епархии было уверено, что все эти негативные тенденции происходят из-за приостановки миссионерской деятельности иеромонаха Никодима, ибо «иноного способа нет (к исправлению упущений – М. О.) как должно для наставления ему, проповеднику, объезжать жительство их и приводить их пристойным образом ко исправлению» [22, ф. 237, оп. 1, д. 11, л. 265]. Возложенная на иеромонаха Никодима миссионерская обязанность превратила его в должника, ибо «принужден он проповедник у посторонних людей заем учинить, а им заимодавцам платить ему стало быть нечем» [19, ф. 796, оп. 48, д. 273, л. 33–34]. Так через официальные консисторские документы просматривается крик души миссионера.

В этой непростой ситуации епископ Варфоломей старался поддержать проповедника. Он не раз писал в Св. Синод с просьбой оказать помощь в выдаче денег вятскому проповеднику. Св. Синод послал в Штатс-контору канцеляриста. Однако дело затягивалось, т. к. канцелярист Артемьев рапортовал, что он в Штатс-контору «ходил неоднократно», но безрезультатно [19, ф. 796, оп. 48, д. 273, л. 24]. Вятская духовная консистория неоднократно писала, даже «требовала» от Коллегии экономии, чтобы жалованье иеромонаху Никодиму было выдано [22, ф. 237, оп. 1, д. 11, л. 94]. В этой ситуации иеромонах Никодим прибег к посредству монахов Троицкой Сергиевой Лавры. В 1769 г. он написал в Св. Синод письмо, в котором просил выдавать деньги на миссию через заместника Лавры [19, ф. 796, оп. 48, д. 273, л. 37].

Сказанного достаточно, чтобы показать, с какими финансовыми трудностями сталкивались епархиальные проповедники. Казанский епископ Вениамин (Пуцек-Григорович) писал, что в его епархии проповедники положенных средств из Коллегии экономии не получают и «потому в проповедническую должность вступить невозможно» [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 78–79об, 103, 115, 122]. Гобольский мит-

рополит Павел писал в Св. Синод, что Сибирская губернская канцелярия в выдаче денег отказала, а потому «то проповедническое дело в здешней Тобольской епархии остановилось» [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 88–88об]. В 1770 г. Св. Синод предписал, чтобы Коллегия экономии на основании царских указов деньги епископу Тобольскому отпустила «немедленно» [19, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 75]. Иркутский епископ Софроний (Кристалевский) также просил, чтоб местная провинциальная канцелярия проповеднику жалованье выдавала [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 109–110].

В дальнейшем иеромонах Никодим, хотя и не в полной мере, но все-таки стал получать деньги из Вятской провинциальной канцелярии. Только за 1769 и 1770 гг. он получил полное жалованье – 300 р. (в год полагалось по 150 руб.). Однако присылаемых денег все равно не хватало, т. к. за все время иеромонах Никодим на покупку бумаги, чернил, наем лошадей и прочих расходов все «употребил без остатку» [19, ф. 237, оп. 74, д. 780, л. 15об]. Данные факты указывают на несовершенство бюрократической системы Российской империи, отсутствие четкого разделения полномочий между ведомствами. Это обстоятельство вносило диссонанс в практику миссионерской деятельности, мешало достижению целей христианского просвещения народов России.

Важна здесь и другая деталь, раскрывающая особенности управления империей в XVIII в. Местные власти отстаивали свои интересы, которые порой отличались от задач, поставленных центральной властью. Царская власть, благоволившая православным миссионерам, не всегда находила понимание местной бюрократии. Нежелание финансировать миссионеров нельзя объяснить одной только формальной стороной дела, объяснением, что якобы отсутствовали распоряжения из Коллегии экономии. Необходимо учитывать, что епархиальные проповедники действовали среди разноплеменного населения, которое далеко не всегда было довольно политикой христианизации. Губернским и провинциальным властям необходимо было учитывать настроения «иноверцев», не вызывать осложнения взаимоотношений с элитами. Были случаи, когда в XVIII в. местные чиновники скрывали от «инородцев» царские указы дарования льгот тем, кто принимал крещение [16, Т. I, с. 145].

В миссионерские поездки иеромонах Никодим, как правило, отправлялся в зимнее время. Перед поездкой проповедник посещал «хлыновский торг», где покупал бумагу, печатные принадлежности и медные кресты. После этого он заходил к хлыновскому иконописцу Даниле Тупасову и покупал у него «святые образа», за каждую икону по 45 коп. В отчетах проповедник писал, что все купленное раздавалось новокрещеным «без остатку» [19, ф. 796, оп. 48, д. 273, л. 2об].

Отчеты вятских архиереев Св. Синоду позволяют выявить численность «иноверцев», принявших крещение в результате миссионерской деятельности иеромонаха Никодима. За 1766 г. он крестил двенадцать человек – 7 «мужеского» и 5 «женского» пола [22, ф. 237, оп. 1, д. 11, л. 226об]. За три года, с 1766 по 1768 включительно крестилось 74 «иноверца» [22, ф. 796, Оп. 45, д. 126, л. 187–190]. Согласно донесению епископа Варфоломея, за 1769 г. проповеднику Никодиму удалось крестить всего одного язычника [19, ф. 796, оп. 49, д. 80, л. 117]. А вот за 1770 г. – уже 34 «иноверца» [19, ф. 796, оп. 49, д. 80, л. 156–157]. В 1771 г. иеромонах Никодим был отстранен от должности проповедника. Таким образом, за пять лет проповеднической деятельности иеромонах Никодим окрестил 121 человека. Правда, необходимо учитывать, что в документах Вятской духовной консистории и в архиве Святейшего Синода, нет указаний о деятельности проповедника Никодима за период с 1763 по 1765 гг. Кроме того, какое-то время иеромонах Никодим вел миссионерские беседы в г. Хлынове в Успенском Трифионовом монастыре. Так, по указу Вятской духовной консистории к нему прислан был татарин Исак Абашев. В указе о крещении татарина особо оговаривалось, чтобы проповедник «усматривал за ним, искренно ли оной желает принять святое крещение» [22, ф. 237, оп. 1, д. 12, л. 412, д. 13, л. 33об–44]. Все это заставляет думать, что число «инородцев», приведенных иеромонахом Никодимом к христианской вере могло быть несколько больше.

Ежегодные отчеты архиереев показывают, что проповедники в разных регионах России показывали примерно такие же результаты, какие были у иеромонаха Никодима. В Казанской епархии за 1769 г. крещено было 113 человек, в Иркутской с 1765 по 1769 гг. – 389 чел., т. е. в среднем по 77, в Тобольской за тот же период – 337, т. е. в среднем по 67 чел. [19, ф. 796, оп. 49, д. 80, л. 113–115, 139]. Данные по другим годам показывают схожую ситуацию.

Вырисовывается определенная картина: успех епархиальных проповедников в сравнении с деятельностью миссионеров времени существования Новокрещенской конторы был значительно меньшим. Это хорошо видно из отчетов руководства Новокрещенской конторы.

Уезды	1740 г.	1741 г.	1742 г.	1743 г.	1744 г.	1745 г.
Казанский	126	1972	1349	909	364	191
Свияжский	11	121	161	233	266	66
Симбирский	21	202	587	1018	492	180
Слободской	–	–	–	–	2	4264
Царевококшайский	2	2122	3910	7	147	13
Алаторский	–	1029	1556	293	756	22

Источник: РГИА. ф. 796, оп. 26, д. 169. л. 8–8об.

Из таблицы видно, что в период существования Новокрещенской конторы были годы, когда число новокрещеных по одному только уезду достигало несколько сотен и даже тысяч человек. Даже по Иркутской епархии, на которую не распространялась деятельность Новокрещенской конторы показатели выглядят впечатляющими. С 1741 по 1762 г. крещение приняло 6.866 мужчин и 4.771 женщин [19, ф. 796, оп. 47, д. 195, л. 1–1об]. При Екатерине II с учреждением епархиальных проповедников результативность значительно снизилась. Это было вызвано не только сменой конфессионального курса, сокращением государственной поддержки, но и тем, что в период Новокрещенской конторы немалая часть язычников приняла крещение, что априори сокращало поле деятельности миссионеров.

В XVIII в. у большинства миссионеров спектр миссионерских приемов был невелик. Из документов видно, что проповедник занимался обучением неофитов молитвам и основам христианской веры [19, ф. 796, оп. 48, д. 273, л. 1об]. Имело место и материальное стимулирование. В одном из отчетов иеромонах Никодим писал: «по три, по два, а иным по рублю от себя давал» [22, Ф. 237, оп. 1, д. 12, л. 150об].

В одно время возник вопрос о том, не прибегал ли иеромонах Никодим к принуждению ко крещению. В 1767 г. по жалобам марийцев «разных волостей» казанский губернатор А. Н. Квашнин-Самарин направил письменное сообщение в Вятскую духовную консисторию с просьбой провести расследование по данному вопросу. По распоряжению Вятской духовной консистории новокрещенные должны были «пред образом Божиим» ответить: «подлинно ли они по самопроизвольному их желанию святое крещение восприяли и не из принуждением ли». Иеромонах Никодим должен был дать ответ «по священству» [22, ф. 237, оп. 1, д. 12, л. 98–98об]. Во время следствия епархиальный проповедник заявил, что к православной вере марийцы обращались по самопроизвольному желанию. Аргументация была достаточно простой: «чинить было ему не для чего и не кем». В конце речи миссионер для убедительности добавил, что имеющиеся денежные средства раздавал язычникам от себя [22, ф. 237, оп. 1, д. 12, л. 150об]. Из допроса проповедника нужно обратить внимание на заявление о том, что принуждать марийцев ко крещению ему было «не кем». Этим самым иеромонах Никодим хотел показать, что в свои миссионерские поездки он не брал ни военных, ни чиновников. Выше было уже отмечено, что епархиальный проповедник брал с собой одного пищика и одного келейного служителя. Такая «команда», действительно, вряд ли могла напугать марийцев, которые никогда не отличались робостью.

Необходимо учитывать еще один момент. Следственные документы середины XVIII в. показывают, что были случаи, когда обвинения в принудительном крещении исходили от сторонников сохранения языческих верований, стремившихся не допустить христианизации своей «братии». В 1746 г. с жалобой на принуждение ко крещению в Св. Синод явились выборные от крещеных удмуртов. В ходе следствия некоторые удмурты признались, что на мирском совете была достигнута договоренность о том, что удмуртов «якобы» крестили насильно с той целью, чтобы власти разрешили молиться язычески [22, ф. 237, оп. 74, д. 83, л. 36об–40об]. Во всяком случае, не стоит упускать из вида значительное влияние предводителей языческого культа удмуртов и марийцев, которые внушали своим единоплеменникам сохранять прежние верования [19, ф. 796, оп. 121, д. 285, л. 4; оп. 123, д. 1216, л. 41об].

Каковы же были личные качества иеромонаха Никодима, как миссионера? Епископ Варфоломей (Любарский) отзывался об иеромонахе Никодиме в весьма положительных тонах, как о ревностном проповеднике. В письмах Св. Синоду епископ Варфоломей отмечал, что его епархиальный проповедник, несмотря на возникающие сложности, готов трудиться в деле просвещения «иноверцев». Финансовые затруднения не приводили его в отчаяние. Иеромонах занимал деньги у «разного звания людей» и ехал в инородческие селения [19, ф. 796, оп. 49, д. 80, л. 19–23].

Епископ Вениамин отмечал, что проповедник «обращается во оной должности с крайней ревностью непрерывно» [19, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 187–190]. Ясно, что иеромонах Никодим был человеком твердой воли, реализующий свою программу, несмотря на материальные трудности. Не совсем

ясно, был ли этот человек мягкого или крутого нрава. Возможно последнее, ибо кротости ему не всегда доставало. Епископ Варфоломей писал в Св. Синод, что иеромонах Никодим уволен от должности «за дерзновенной ево при обращении иноверцев в святое крещение против должности ево поступок» [19, ф. 796, оп. 49, д. 80, л. 178]. От должности епархиального проповедника он был освобожден 12 декабря 1771 г. [22, ф. 237, оп. 74, д. 780, л. 15]. Это был эпилог к его миссионерской истории. Впоследствии на территории Вятской и Великопермской епархии будет действовать уже три епархиальных проповедников. Увеличение было вызвано обширностью епархии.

Должность проповедников была упразднена в 1789 г. в связи со слухом, что башкир «хотят крестить сильно, от чего они пришли в беспокойство» [22, ф. 237, оп. 74, д. 893, л. 1]. В «иноверческих селениях» Волго-Уральского региона православная миссия проповедников была запрещена [22, ф. 237, оп. 74, д. 894, л. 1]. Это была очередная реформа православной миссии в епархиях Поволжья и Приуралья. Вновь, как при закрытии Новокрещенской конторы действовал фактор стабильности государства.

Чтобы лучше уяснить мотивы запрета православной миссии среди народов Волго-Уральского региона, необходимо обратиться к общероссийскому контексту и геополитической обстановке того времени. В 1783 г. Россия присоединила Крым, что вызвало протест со стороны Османской империи, обострило отношения между двумя странами. В 1787 г. началась вторая русско-турецкая война. Примерно в то же время на Северном Кавказе шейх Мансур поднял антирусское восстание. По замечанию Р. Круза, все эти события «еще ярче продемонстрировали опасность волнений на почве религиозной лояльности» [8, с. 60]. Во время войны с мусульманской империей власти России опасались сепаратистских настроений среди российских мусульман. К тому же власти хорошо помнили восстание Емельяна Пугачева, в котором башкиры и другие народы Волго-Уральского региона приняли активное участие. Интересы империи и ее стабильности перевешивали имманентное для той же империи стремление к расширению среди народов христианского вероучения.

Исследователь православной миссии в Волго-Уральском регионе свящ. Евфимий Малов видел в реформе Екатерины II, направленной на реорганизацию православной миссии, серьезную ошибку. Его мысль сводилась к следующему: если прежде существовало «прочно организованное общество» (Новокрещенская контора – *М. О.*), то теперь появлялись «заброшенные, разъединенные одинокие деятели» [12, с. 205]. С какой бы настороженностью или даже критикой историки не относились к Новокрещенской конторе, в этих словах есть своя историческая правда. В середине XVIII в. православную веру приняла значительная часть язычников и мусульман Волго-Уральского региона. Интересы Церкви требовали продолжения системной работы с огромной массой новокрещенных, а такую деятельность можно было осуществлять только совместными усилиями. В этом и заключалась уникальность проекта православной миссии эпохи Новокрещенской конторы. Теперь утверждение новокрещенных возлагалось на единичных деятелей, посылаемых епархиальным руководством, что не могло добавить качества в дело христианского просвещения народов, проживавших на огромных просторах между Волгой и Уралом. «Христианская миссия между инородцами была окончательно подорвана» (П. В. Знаменский) [3, с. 37].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев М. Г.* Распространение христианства в Казанском крае (Краткий исторический очерк). Казань: тип. Казан. имп. ун-та, ценз. 1904. 18 с.
2. *Ефимов А. Б.* Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Изд-во ПСТГУ, 2007. 688 с.
3. *Знаменский П. В.* Казанские татары. Казань: Тип. Императорского Университета, 1910. 67 с.
4. *Ислаев Ф. Г.* Православные миссионеры в Поволжье. Казань: Тат. кн. изд-во, 1999. 128 с.
5. *Ислаев Ф. Г.* Религиозная политика Российского государства и ее реализация в Волго-Уральском регионе (XVIII в.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Казань, 2005. 368 с.
6. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М.: Прогресс-Традиция : Традиция, 2000. 342 с.
7. *Конев А. Ю.* Конфессиональная политика России в отношении иноверцев Западной Сибири в XVIII веке в документах Государственного архива Тюменской области // Вестник Челябинского университета. 2014. С. 137–141.
8. *Круз Р.* За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 475 с.
9. *Курукин И. В.* История России. XVIII век. М.: Дрофа, 2010. 253 с.

10. Кустова Е. В. Вятское ученое монашество в XVIII веке // III Региональная церковно-научная конференция «Обретение святых». Киров, 2012. С. 64–80.
11. Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX века. СПб.: Типо-литография М. П. Фроловой, 333 с.
12. Малов Е. О новокрещенской конторе: речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской Духовной Академии 1878 г. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1878. 208 с.
13. Можаровский А. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев, с 1552 по 1867 год. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1880. 262 с.
14. Никольский Н. В. Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
15. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права: Учения Нового времени. XVI – XIX вв. М.: КРА-САНД, 2011. 352 с.
16. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. Т. I. СПб., 1868.
17. Полн. собр. законов Российской Империи. Собр. Первое. Т. XIX. СПб., 1830 (ПСЗРИ–1).
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
19. Российский государственный исторический архив (РГИА).
20. Санников А. П. Миссионерская деятельность первых иркутских епископов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2016. Т. 16. С. 121–128.
21. Сухарева И. В. Политика христианизации Русского государства и конфессиональное состояние чувашей Башкирии (до 1917 года), Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. 64 с.
22. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО).
23. Шабалин В. И. «Проповедники» – миссионеры при Екатерине II // Труды Вятской ученой архивной комиссии. Вятка: Губернская типография, 1908. Вып. 1. С. 50–51.
24. Юрганова И. И. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. С. 34–43.

Поступила в редакцию 18.04.2023

Орлов Максим Александрович, кандидат исторических наук
 АНОО «Петербургский лицей» (г. Киров)
 610048, Россия, г. Киров, ул. Володарского, 114 б
 E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

M. A. Orlov

**HIEROMONK NIKODIM (SEZEMOV) – PREACHER FOR THE VYATKA
 AND VELIKOPERMSKY DIOCESE**

DOI: 10.35634/2412-9534-2023-33-5-998-1006

The Orthodox mission during the reign of Catherine II was noticeably different from the previous era, when the activity of the Novokreschenskaya office unfolded. Catherine II closed the Novokreschenskaya office and adjusted the confessional course, which affected the Orthodox mission among the peoples of Russia. Diocesan preachers took the place of the Novokreschenskaya office. The history of the missionary activity of diocesan preachers has not been studied enough. Meanwhile, consideration of this topic helps to better identify the genesis of the Orthodox mission in the synodal period, to understand the peculiarities of the confessional policy of Catherine II. Hieromonk Nikodim (Sezemov) became the first diocesan preacher within the Vyatka and Velikopermsky dioceses. His missionary activity reflected the problems that took place in the history of the Orthodox mission of the second half of the XVIII century in different regions of Russia.

Keywords: missionary work, diocesan preachers, Vyatka and Velikopermsky dioceses.

REFERENCES

1. Vasil'ev M. G. Rasprostranenie hristianstva v Kazanskom krae (Kratkij istoricheskij ocherk) [The spread of Christianity in the Kazan Region (A brief historical sketch)]. Kazan, Kazan Imperial University Press, 1904, 18 p. (In Russian).
2. Efimov A. B. Ocherki po istorii missionerstva Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi [Essays on the History of the Russian Orthodox Church's missionary Work]. Moscow, "PSTGU" Publ., 2007, 688 p. (In Russian).
3. Znamenskij P. V. Kazanskije tatory [Kazan Tatars]. Kazan, Kazan Imperial University Press, 1910, 67 p. (In Russian).
4. Islaev F. G. Pravoslavnye missionery v Povolzh'e [Orthodox missionaries in the Volga region]. Kazan, Tatar book publ. house, 1999, 128 p. (In Russian).

5. *Islaev F. G.* Religioznaya politika Rossijskogo gosudarstva i ee realizaciya v Volgo-Ural'skom regione (XVIII v.) [Religious policy of the Russian state and its implementation in the Volga-Ural region (XVIII century)]: dis. ... d-ra ist. nauk [dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences]: 07.00.02. Kazan, [n. a.], 2005, 368 p. (In Russian).
6. *Kappeler A.* Rossiya – mnogonacional'naya imperiya [Russia is a multinational empire]. Moscow, "Progress-Tradiciya : Tradiciya" Publ., 2000, 342 p. (In Russian).
7. *Konev A. Yu.* Konfessional'naya politika Rossii v otnoshenii inovercev Zapadnoj Sibiri v XVIII veke v dokumentah Gosudarstvennogo arhiva Tyumenskoj oblasti [Confessional policy of Russia in relation to the Gentiles of Western Siberia in the XVIII century in the documents of the State Archive of the Tyumen region]. Vestnik Chelyabinskogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk University], 2014, pp. 137–141. (In Russian).
8. *Kruz R.* Za proroka i carya. Islam i imperiya v Rossii i Central'noj Azii [For the prophet and the king. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow, "Novoe literaturnoe obozrenie" Publ., 2020, 475 p. (In Russian).
9. *Kurukin I. V.* Istoriya Rossii. XVIII vek [The history of Russia. XVIII century]. Moscow, "Drofa" Publ., 2010, 253 p. (In Russian).
10. *Kustova E. V.* Vyatskoe uchenoe monashestvo v XVIII veke [Vyatka learned monasticism in the XVIII century]. III Regional'naya cerkovno-nauchnaya konferenciya «Obretenie svyatyh» [III Regional Church Scientific Conference "Finding the Saints"]. Kirov, [n. a.], 2012, pp. 64–80. (In Russian).
11. *Lupov P. N.* Hristianstvo u votyakov so vremeni pervyh istoricheskikh izvestij o nih do XIX veka [Christianity among the Votyaks from the time of the first historical news about them to the XIX century]. Saint-Petersburg, "Tipo-litografiya M. P. Frolovoj" Publ., 333 p. (In Russian).
12. *Malov E.* O novokreshchenskoj kontore : rech', proiznesennaya v torzhestvennom godichnom sobranii Kazanskoj Duhovnoj Akademii 1878 g. [About the Novokreshchenskaya office: a speech delivered at the solemn annual meeting of the Kazan Theological Academy in 1878] Kazan, Imperial University Press, 1878, 208 p. (In Russian).
13. *Mozharovskij A.* Izlozhenie hoda missionerskogo dela po prosveshcheniyu kazanskih inorodcev, s 1552 po 1867 god [Presentation of the course of the missionary work on the enlightenment of Kazan foreigners, from 1552 to 1867]. Moscow, Ed. of the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 1880, 262 p. (In Russian).
14. *Nikol'skij N. V.* Hristianstvo sredi chuvash srednego Povolzh'ya v XVI–XVIII vekah. Istoricheskij ocherk [Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the 16–18 centuries. Historical essay]. Kazan, Imperial University Press, 1912, 416 p. (In Russian).
15. *Novgorodcev P. I.* Lekcii po istorii filosofii prava: Ucheniya Novogo vremeni. XVI–XIX vv. [Lectures on the History of the Philosophy of Law: The Teachings of Modern Times. 16–19 centuries] Moscow, "KRASAND" Publ., 2011, 352 p. (In Russian).
16. Opisanie dokumentov i del, hranyashchihsya v arhive Svyatejshego Pravitel'stvuyushchego Sinoda. T. I. [Description of documents and files stored in the archive of the Holy Governing Synod. Vol. 1]. Saint-Petersburg, [n. a.], 1868. (In Russian).
17. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie Pervoe. T. XIX. [The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting. Vol. XIX]. Saint-Petersburg, [n. a.], 1830 (PSZRI–1). (In Russian).
18. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RSAAA) [Russian State Archive of Ancient Acts] (RSAAA). (in Russian, unpublished).
19. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RSHA) [Russian State Historical Archive] (RSHA). (in Russian, unpublished).
20. *Sannikov A. P.* Missionerskaya deyatelnost' pervyh irkutskih episkopov [Missionary activity of the first Irkutsk bishops]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie [News of Irkutsk State University. Series: Political science. Religious Studies], 2016, vol. 16, pp. 121–128. (In Russian).
21. *Suhareva I. V.* Politika hristianizacii Russkogo gosudarstva i konfessional'noe sostoyanie chuvash Bashkirii (do 1917 goda) [The policy of Christianization of the Russian State and the confessional state of the Chuvash Bashkiria (before 1917)]. Ufa, Bashkir State University Press, 2011, 64 p. (In Russian).
22. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti [CSAKR] [Central State Archive of the Kirov region] (CSAKR) (in Russian, unpublished).
23. *Shabalin V. I.* «Propovedniki» – missionary pri Ekaterine II ["Preachers" – missionaries under Catherine II]. Trudy Vyatskoj uchenoj arhivnoj komissii [Proceedings of the Vyatka Scientific Archival Commission]. Vyatka, "Gubernskaya tipografiya" Publ., 1908, issue 1, pp. 50–51. (In Russian).
24. *Yurganova I. I.* Hristianizaciya i ispolnenie pravoslavnoj obryadnosti na vostochnyh okrainah Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII veka) [Christianization and performance of Orthodox Rites on the eastern outskirts of the Russian Empire (the second half of the XVIII century)]. Gumanitarnyj vector [Humanitarian vector], 2020, vol. 15, pp. 34–43. (In Russian).

Received 18.04.2023

Orlov M.A., Candidate of History
 Autonomous non-profit educational organization secondary school "Petersburg Lyceum" (Kirov)
 Volodarskogo st., 114b, Kirov, Russia, 610048
 E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru